

---

---

## ПОИСК ИСТИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА

М.А. Герасимова

Кафедра истории русской литературы XX—XXI вв.  
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова  
*Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991*

В статье говорится о поиске истины в творческом наследии А.П. Платонова. Он осуществляется прежде всего в его произведениях с конца 1920-х до середины 1930-х гг. Истина кажется утерянной, но на самом деле она просто несовместима с советским строем. Осознание этого оказывается непосильным для Платонова, выражением чего можно считать двойничество, которое не раз отмечал в себе сам писатель.

**Ключевые слова:** Платонов, истина, социализм, хаос, кризис, двойничество.

О творчестве Платонова написано огромное число статей, монографий, диссертаций. Мы не станем претендовать на совершенное понимание Платонова и все же попытаемся приблизиться к Истине в понимании Платонова.

Напомним его слова: «Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. Уже десять лет тому назад Ямская чуть отличалась от деревни. Деревню же я до слез любил, не видя ее до 12 лет», — пишет Платонов в своем письме Г.З. Литвину-Молотову в 1922 г. В это время писатель был романтиком, свято верившим в светлые идеалы социализма. Спустя восемь лет после этого Платонов пишет «Котлован», но какой же предстает деревня в этом произведении? Она оказывается совершенно разрушенной в результате коллективизации, жители деревни теряют все свои прежние жизненные ориентиры. И «слезы» Платонова теперь уже могут быть вызваны не любовью к деревне, а трагедией слома деревенского уклада.

— Хорошо вам теперь, товарищи? — спросил Чиклин.

— Хорошо, — сказали со всего Оргдвора. — Мы ничего теперь не чуем, в нас один прах остался.

Вощев лежал в стороне и никак не мог заснуть без покоя истины внутри своей жизни, тогда он встал со снега и вошел в среду людей.

— Здравствуйте! — сказал он колхозу, обрадовавшись. — Вы стали теперь, как я, я тоже ничто.

— Здравствуй! — обрадовался весь колхоз одному человеку [З. С. 513—514].

«Черный» юмор, который демонстрирует здесь Платонов читателям, становится своего рода вуалью для изображения внутреннего мира персонажей, мира, подверженному насильственному разрушению извне, навязыванию новой идеологии, несовместимой с прежними ценностями этих людей. (Позднее данная тема найдет свое выражение в так называемой деревенской прозе.) Крайним выходом из этой ситуации, представленным в повести, оказывается стремление многих героев как можно быстрее умереть. И первая встреча читателей с одним из деревенских жителей в «Котловане» происходит, когда он приходит на котлован

за гробами. Как высказывается Елисей о своей деревне, «у нас каждый и живет оттого, что гроб свой имеет: он нам теперь цельное хозяйство!» После лишения каждого человека в деревне собственности и передачи ее в колхоз гробы становятся тем единственным, что является личной принадлежностью каждого, отсюда и такая яростная борьба за них и отчаяние Елисея, когда ему сказали, что не отдадут два гроба. Этот герой абсолютно равнодушен ко всему живому, окружающий мир глубоко его разочаровал, и он уже не пытается что-то искать в нем, в отличие от Вощева, он ждет лишь смерти:

Полуголый стоял без всякого впечатления и ничего не ответил. Не замечая подорожных камней и остужающего ветра зари, он пошел с мужиком брать гробы. За ними отправился Чиклин, наблюдая спину Елисея, покрытую целой почвой нечистот и уже обрастающую защитной шерстью. Елисей изредка останавливался на месте и оглядывал пространство сонными, опустевшими глазами, будто вспоминая забытое или ища укромной доли для угрюмого покоя. Но родина ему была безвестной, и он опускал вниз затихшие глаза [3. С. 486].

Когда Чиклин с Вощевым обходят деревню, то видят мужика, «который день уткнулся и лежит». По свидетельству жены, «он все чуял, товарищи, все дочиста душевно видел! А как лошадь взяли в организацию, так он лег и перестал» [3. С. 502—503]. В другой избе они увидели мужика, который лежит даже не на кровати, а уже в гробу и при зажженной лампаде, иногда вставая и подливая в нее масло. Смерть оказывается привлекательна для героев своей непричастностью к хаосу этой жизни, общественным указам, директивам, навязываемым мыслям. Следующая сцена «Котлована» в избе-читальне — яркий пример такого навязывания, когда азбука учится с опорой на коммунистический язык:

— Какие слова начинаются на «а»? — спросил активист.

Одна счастливая девушка привстала на колени и ответила со всей быстротой и бодростью своего разума:

— Авангард, актив, аллилуйщик, аванс, архилевый, антифашист! [3. С. 504].

Как отмечает В. Недзвецкий, речь в «Котловане» — это «языковое выражение того мира, в котором узкополитическая оценка человека (по „классовой“, имущественной и т.п. принадлежности) заслонила и фактически подменила собой его моральные, духовные, трудовые качества и критерии, всю природную много-сложность личности. Но именно так и обстояло дело с конца 20-х гг. в России, где партийно-государственный контроль над газетами, радио, издательствами привел к политизации не только печатной, но и разговорной речи» [2. С. 34]. Действительно, многие словосочетания словно придуманы «наверху»: «сделал активно мыслящее лицо», «получить эту тенденцию», «сдерживать силу своей инициативы», «спустить директиву на село», «сторожить политические трупы от зажиточного бесчестия». Другие же сочетания слов поражают своей семантической дисгармонией. Рядом соседствуют слова, которые по своему смыслу очень далеки друг от друга: «У отхожего места сидел старик и ел хлеб» [3. С. 74] — в «Чевенгуре», «Фома Пухов... на гробе жены вареную колбасу резал» [4. С. 37] — в «Сокровенном человеке». Платонов выстраивает эти слова рядом, создавая ощущение

ние нарушения не только естественного течения жизни, но и естественного течения речи. Также насильственно складываются и события в его произведениях, временами они кажутся читателям абсолютно ирреальными. И порой также помимо воли народа накладывались запреты, устанавливались законы в Советском Союзе. Этого не мог не понимать Платонов.

На творческом вечере 1 февраля 1932 г. писатель говорил: «Должен сказать, что с самого начала своей литературной работы я ясно сознавал и всегда хотел быть именно политическим писателем, а не эстетическим» [1. С. 297]. И это его стремление находит отражение в художественном строе его произведений. Политические события оказываются для Платонова очень важны, он анализирует происходящее вокруг и отображает это в своем творчестве, но, как любой художник, делает это не прямо, а опосредованно, выражая правду с помощью языковых (стилевых) средств.

Так достигает художник своей цели — вызвать у читателя необходимого ему для отображения ситуации тех времен чувства хаотичности всего происходящего. Хаос жизни координирует с чувством смятения, переживаемого многими героями Платонова. Чувство потерянности, неприкаянности и одиночества — вот то главное ощущение, которое возникает при соприкосновении с художественным миром рассматриваемого писателя. Героев одолевает постоянное чувство смятения и беспокойства. И каждому из них нужно обязательно найти дело, которым может быть наполнено его существование. Это становится своеобразным выходом из хаоса реального, уходом от анализа жизни, размышлений, собственных мыслей. Герои хотят забыться — каждый по-своему.

Особенно отчетливо это видно в романе «Чевенгур», где у каждого героя имеется как бы своя идея-фикс, каждый чем-то одержим, причем одержимость эта, по сути, не поддается логическому объяснению. У Захара Петровича постоянно должны быть заняты руки, ему все время необходимо что-то мастерить, и «ничто особо не интересовало — ни люди, ни природа, — кроме всяких изделий» [3. С. 18]. Безымянный машинист был страстно привязан к паровозам и «считал, что людей много, машин мало; люди — живые и сами за себя постоят, а машина — нежное, беззащитное, ломкое существо» [3. С. 30]. Другие герои также находят что-то свое. «Чем-нибудь надо человеку наполнять свою душу, и если нет ничего, то сердце алчно жует собственную кровь», — думает Чагатаев, главный герой повести «Джан» [4. С. 175]. И в «Котловане» Вошев ищет истину, а каждый из рабочих землекопов «придумал себе идею будущего спасения отсюда — один желал нарастить стаж и уйти учиться, второй ожидал момента для переквалификации, третий же предпочитал пройти в партию и скрыться в руководящем аппарате — и каждый с усердием рыл землю, постоянно помня эту свою идею спасения» [3. С. 472]. Каждый ищет свою цель, свое занятие, и удивляет, как сильно разнятся эти занятия.

Каждый из героев стоит особняком, хотя они и могут заниматься одним делом, например, рытьем котлована, переустройством жизни в городе Чевенгур, но при этом мысли, взгляды одного человека очень далеки от мыслей и взглядов другого человека, они абсолютно разобщены.

И это в корне противоречит идеалам самого писателя, которые, как однажды скажет сам писатель, не менялись для него в течение всей его жизни. «Человечество — одно дыхание, одно живое теплое существо. Больно одному — больно всем. Умирает один — мертвеют все. Долой человечество — пыль, да здравствует человечество — организм... Будем человечеством, а не человеками в действительности», — пишет он в статье «Равенство в страдании» в 1922 г. [5]. Для Платонова очень важно ощущение единства коллектива, народа, всего человечества. И отсутствие этого единства в окружающих людях, отдельность, отдаленность их друг от друга вызывала болезненное мироощущение у Платонова.

Каждый из героев ищет свой путь к Истине, но ведь Истина одна, едина для всех, так зачем же нужно это разъединение? Именно этот вопрос возникает при анализе произведений рассматриваемого писателя, точнее, тех, что написаны в период с конца 1920 до середины 1930-х гг., в которых проблему Истины поднимает и сам писатель. Произведения, написанные позже, затрагивают уже иную проблематику, и трагизм мироощущения героев представлен уже не столь ярко, хотя также имеет место быть.

Финал повести «Джан» является оптимистичным, однако, на наш взгляд, он не вытекает последовательно из самого хода повествования. Если рассмотреть образ Чагатаева, то он становится словно бы иным вариантом образа Вощева: если бы тот не потерял своей веры в революцию, если бы не потерял ощущение истины. Подтверждение этому находим в тексте.

Если бы Чагатаев не воображал, не чувствовал, как отца, как добрую силу, берегущую и просветляющую его жизнь, он бы не мог узнать смысла своего существования, — и он бы вообще не сумел жить сейчас без ощущения той доброты революции, которая сохранила его в детстве от заброшенности и голодной смерти и поддерживает теперь в достоинстве и человечности. Если бы Чагатаев забыл или утратил это чувство, он бы смутился, ослабел, лег бы в землю вниз лицом и замер... [5].

Именно это и происходит с Вощевым, он чувствует себя слабым и изнемогает от того, что потерял опору в жизни:

Вощев настолько ослабел телом без идеологии, что не мог поднять топора и лег в снег... он почувствовал сомнение в своей жизни и слабость тела без истины, он не мог дальше трудиться и ступать по дороге, не зная точного устройства всего мира и того, куда надо стремиться... он шел по дороге до изнеможения; изнемогал же Вощев скоро, как только его душа вспоминала, что истину она перестала знать [3. С. 512, 441, 442].

Последнее противоречит ответу Вощева на указание ему Чиклина не задумываться посреди трудового процесса, а забыть: «Истина, товарищ Чиклин, забыть не может...» [3. С. 533].

Другими словами, Вощев все же помнит о ней, но все его страдания происходят из-за того, что истина, которую он знает, не соответствует окружающей жизни, и ему кажется, что в новом обществе и истины должны быть новыми. Мысль об этом тотальном обновлении жизни после социалистической революции присутствует и во многих других произведениях писателя, но в то же время перемежа-

ется порой замечаниями о невозможности такой полной перестройки: «Спит новый человек... По-старому спит» [5. С. 68]. Основы жизни людей, стержень человеческого сознания не меняются с течением времени. Истина всегда одна, едина для всех и не зависит от внешних обстоятельств. Часть людей оказывается просто выкинута из нового мира и не может найти в нем своего места. Их относят к прошлому, которое предпочитают как можно быстрее забыть.

Тема воспоминаний и забвения вообще представляется важной для Платонова, к ней он обращается много раз в своих статьях и художественных произведениях. Так, в том же «Джане» Чагатаев думает о том, «что его народу не нужен коммунизм, — ему нужно забвение» [4. С. 223]. Но понятия забвения как такового у Платонова не существует. Как бы человек ни хотел забыть о каких-то обстоятельствах из своего прошлого, они будут продолжать жить вместе с ним, в его сознании. И тот же Чагатаев испытывает это на себе, когда его неожиданно захлестывает поток воспоминаний.

Раньше он думал, что большинство ничтожных и даже важных событий его жизни забыты навсегда, закрыты навечно последующими крупными фактами, — сейчас он понял, что в нем все цело, неуничтожимо и сохранно, как драгоценность, как добро хищного нищего, который бережет ненужное и брошенное другими [4. С. 202].

Чагатаев — это коммунист, который искренне верит в свою партию, в политику своего государства, это тот романтик, тот утопист, кем был Платонов в молодости. С развитием сюжета Чагатаев видит трагизм окружающего мира, видит, что его народ оказывается просто лишним в новом обществе, однако в отличие от самого Платонова, мировоззрение которого сильно изменилось после того, как он стал свидетелем подобных трагедий, его герой оказывается в своей вере непреклонен. «Хэппи энд» повести представляется несколько натянутым и нереалистичным, но не будь его, и эта повесть была бы напечатана не раньше, чем тот же «Котлован», к которому читатели получили доступ лишь спустя 60 лет после его создания.

Перестройка человеческого сознания, которую пытались произвести советские власти, оказалась не столь успешной и привела к прямо противоположным результатам, люди потеряли жизненные ориентиры, оказались отчуждены друг от друга. Это и составляет основу проблематики произведений писателя конца 1920 — середины 1930-х гг. Александр Дванов, главный герой романа Платонова «Чевенгур», ищет подлинный коммунизм, но обнаруживает, что каждый понимает значение этого слова по-своему. Народ теряет свою цельность, утрачиваются единые нравственные ориентиры. Подчинение людей высокой абстрактной цели построения нового коммунистического общества обесценивает жизнь. Жизнь теряет свой смысл, ведь она лишена подлинно человеческого содержания. Подчинение жизни построению коммунизма, смысл которого даже не все понимают, приводит ко всеобщей катастрофе. И произведения Платонова — это отражение той эпохи, той среды, свидетелем которой был писатель.

Юрий Нагибин вспоминает, что в конце 1930-х гг., когда он пришел в гости к Г.Г. Нейгаузу, он очень быстро нашел общий язык со знаменитым пианистом и педагогом, и оказалось, что они оба очень любят Платонова. Нагибин пишет, что несколько часов подряд они цитировали по памяти любимые фрагменты платоновской прозы. Такое отношение к платоновским текстам говорит о чрезвычайной актуальности прозы писателя для его современников

Проблема Истины очень волновала Платонова на протяжении всей его жизни, а особенно в те периоды личностного кризиса, когда в окружающем мире он этой Истины не видел. Не показывает он ее и в своих произведениях этого периода. Это является прямым следствием того, что в советском обществе были утрачены нравственные основы, которые и создают внутри каждого человека это ощущение истинности своего бытия. Герои Платонова, если и ищут истину, то делают это именно внутри людей (либо себя, либо другого человека), но не во внешнем мире. И такой вектор поиска является по Платонову безусловно верным, но трагизм состоит как раз в несоответствии этого внутреннего ощущения Истины происходящему вокруг. Сам Платонов отмечал ощущение собственного двойничества. И это можно отметить в его произведениях, написанных в разные периоды творчества. Сам писатель разделял свое мироощущение, каким оно было до 1927 г., каким — после него, а также каким оно стало уже в 1930-х в результате внешнего давления, когда писателю пришлось постепенно «перестроиться», как он сам выражался. С одной стороны, Платонов верил в социализм, полностью поддерживал все его лозунги, горячо отстаивал его принципы. Но с другой стороны, жизнь показала, что эти лозунги не всегда могут быть осуществимы, что какие-то законы оказываются непосильны для принятия людьми, ведь они ломают все их прежние устои и ориентиры в жизни. С потерей устоев теряется и ощущение истины в душе. Как бы ни старались коммунисты, новой истины им не найти, ведь она одна на все времена и едина для всех. А потому для народа в целом насаждаемый строй оказывается неприемлем, хотя сам Платонов и отказывается в это верить. Это двойничество можно считать основным источником творчества писателя.

## ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Андрей Платонов: Воспоминания современников. Материалы к биографии.* — М., 1994.
- [2] *Недзвецкий В.А., Филиппов В.В.* Русская «деревенская проза». — М., 1999.
- [3] *Платонов А.П.* Впрок: Проза / Сост. М. Платонова. — М., 1990.
- [4] *Платонов А.П.* Повести и рассказы / Сост. и послесл. В.М. Акимова. — М., 1983.
- [5] *Платонов А.П.* Собрание сочинений. Т. 6; 8. — М., 2011.

## LITERATURA

- [1] *Andrey Platonov: Vospominaniya sovremennikov. Materialy k biografii.* — М., 1994.
- [2] *Nedzvetckiy V.A., Filippov V.V.* Russkaya «derevenskaya proza». — М., 1999.
- [3] *Platonov A.P.* Vprok: Proza / Sost. M. Platonova. — М., 1990.
- [4] *Platonov A.P.* Povesti i rasskazy / Sost. i poslesl. V.M. Akimova. — М., 1983.
- [5] *Platonov A.P.* Sbranie sochineniy. Tom 6; 8. — М., 2011.

**THE SEARCH OF THE VERITY  
IN PLATONOV'S WORKS RUSSIAN LITERATURE  
OF XX—XXI CENTURIES DEPARTMENT**

**M.A. Gerasimova**

Lomonosov's Moscow State University

The article is devoted to the search of the verity in Platonov's oeuvre. It vents primarily in his works from the late 1920s till the mid-1930s. Being a staunch defender of communism the writer witnesses yet what a tragic life becomes after the state alters human lives, breaks the lifestyle of the people. The village breaks up, people lose their sense of the unity. The party imposes a new ideology that is not to everyone's liking. The truth seems to be lost, but in fact it is just inconsistent with the Soviet system. Awareness of this is beyond Platonov's strength. It is expressed in the writer's ambivalence which he repeatedly pointed himself.

**Key words:** Platonov, verity, socialism, chaos, crisis, ambivalence.